

А. Л. ЯКОБСОН

К ИЗУЧЕНИЮ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ БОЛГАРСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

(армянские параллели)

Протоболгары — болгарские племена, обитавшие на заре средневековья в Прикубанье и в Приазовье, были, как известно, степняками-кочевниками. Но и позднее, уже после заселения ими Балканского полуострова и после возникновения Болгарского государства (конец XII в.), когда болгары, постепенно ассимилируемые славянами, перешли к оседлому образу жизни земледельцев, веками господствовавший у них кочевнический строй еще давал о себе знать. Он отразился не только на самом характере первых становищ болгар, но и на облике их первой столицы Плиски, представлявшей собой огромный прямоугольный лагерь, огражденный валами, с цитаделью в центре, укрепленной каменными стенами.

В начале IX в. болгарские правители (сначала Крум, затем Омуртаг) предприняли в Плиске большое монументальное строительство. Немного позднее, но в пределах того же IX в., оно велось в соседней с Плисской Великой Преславе — второй болгарской столице, основанной в 822 г. От этих строений до нас дошли остатки Большого дворца (так называемой Тронной палаты), Малого дворца и некоторые другие постройки в Плиске, остатки дворца в Преславе и крепостная стена цитадели в Плиске¹.

Перечисленные дворцы, особенно Тронная палата в Плиске, — в полном смысле произведения большой монументальной архитектуры; даже в своих остатках они поражают всякого, кто их видел, монолитностью и выработанностью своих форм и высокой степенью их технического воплощения. Памятники эти издавались неоднократно, поэтому нам нет надобности их описывать. Отметим лишь самое существенное.

Тронная палата в Плиске (рис. 1, А) представляла собой большое двухэтажное здание $48,5 \times 26,5$ м, состоящее из двух частей: как бы преддверия (в нижнем этаже оно разделено стеной, отделявшей лестницу на второй этаж) и основной большей части; ее нижний этаж (субструкция) членится на четыре продольных узких помещения — коридора,

¹ Сооружения в Плиске были открыты и исследованы в результате раскопок Русского археологического института в Константинополе в 1899—1900 гг. См. К. В. Шко р п и л. Постройки в Абовском укреплении. — «Материалы для болгарских древностей. Абоба - Плиска» (ИРАИК, X, 1905), стр. 62—90. Здания Преславы были раскопаны Болгарским археологическим институтом. См. К. Шко р п и л. Памятники от столица Преслав. — «България 1000 години. 927—1927». София, 1930, стр. 193—194; Кр. М и я т е в. Разкопките в Преслав през 1930 г. — «Годишник на Народния [Археологически] музей [в София]», V, 1933, стр. 213—220; Н. М а в р о д и н о в. Старобългарското изкуство. София, 1959, стр. 140—147.

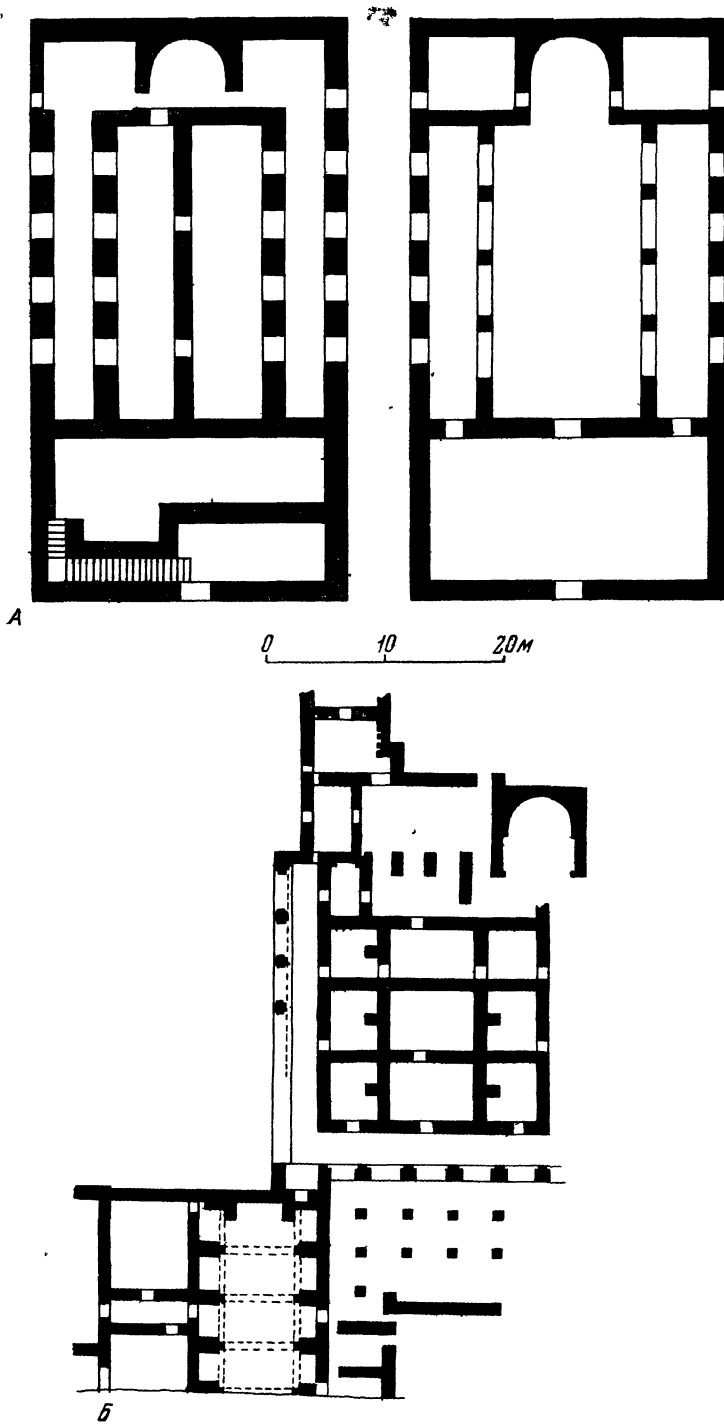

Рис. 1. А. Плиска. Тронная палата. Б. Звартноц. Дворец
Нерсеса III

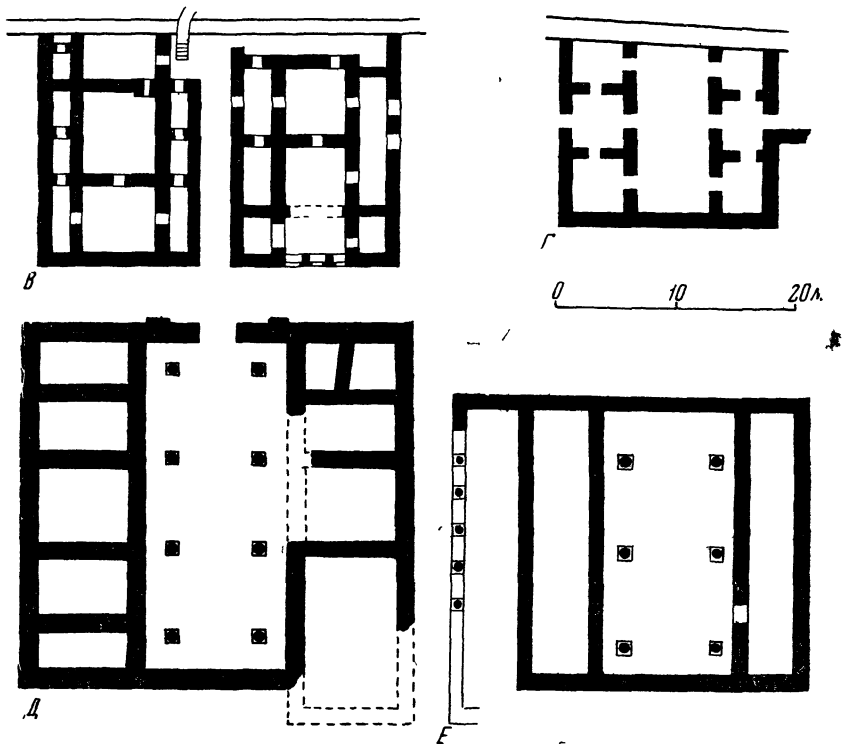

Рис. 2. В. Пlišка. Малый дворец. Г. Пlišка. Дворцовая постройка.
Д. Двин. Дворец. Е. Аруч. Дворец

сообщающиеся широкими проходами и перекрытые коробовыми сводами; посередине северной стены — полукружие, не выступающее наружу; верхний этаж — собственно Тронная зала — представляет собой как бы трехнефную базилику, ориентированную с юга на север; нефы разделены квадратными столбами. Здание сложено из крупных квадратов, частично вторичного применения (высота рядов 40—60 см; длина блоков от 0,47 до 1,00—1,30 м) на растворе с цемянкой; арки проходов и своды — из плоского кирпича $34 \times 34 \times 5$ см. Толщина стен достигает 2,07—2,2 м (это обычная толщина крепостной стены в той же Пlišке и Преславе).

О Малом дворце Пlišки наши представления менее определенны²; мы можем судить лишь о планировке нижней его части, толстые стены которой, несомненно, служили, как в Тронной палате, основанием (субструкцией) для помещений второго этажа (рис. 2, В). Это было также прямоугольное здание, $22,9 \times 19$ м, примыкающее северной стеной к крепостной стене цитадели. Дворец состоял из двух приблизительно одинаковых по размеру зданий, в нижней своей части одинаковых и по планировке. Оба здания состоят из трех частей — средней, более широкой, части и узких боковых служебных; в средней части западного здания — два почти квадратных помещения, в восточном здании — три таких помещения, вымощенных плитами; из них западное явно служило преддверием. Очень вероятно, что и в Малом дворце, как и в Тронной палате, второй этаж в средней части каждого из зданий состоял из одной большой залы и не дробился на отдельные помещения.

² См. ИРАИК, X, 1905, стр. 67—75; Н. М а в р о д и н о в. Старобългарското изкуство, стр. 45—47 (постройку Малого дворца он относит к X в., но без аргументации).

По строительной технике Малый дворец аналогичен Большому: кладка состоит из таких же крупных квадров, положенных на растворе с цемянкой, но сами стены тоньше (от 0,9 до 1,6 м). Перекрытие зал было, вероятно, плоским, по деревянным стропилам; лишь узкие коридоры западного здания дворца имели кирпичные цилиндрические своды, кирпичными были и перемычки входов. Второй этаж дворца был, возможно, кирпичным, но раскопки не дали в этом отношении ясных указаний.

Оба дворца, таким образом, представляют собой большие монументальные здания с однородной планировкой, очень четко выраженной и, можно сказать, вполне сформировавшейся. Что это так, показывают остатки третьей дворцовой постройки в Плиске (рис. 2, Г), также прилегающей к крепостной стене, с вполне аналогичной планировкой³.

Однако процесс формирования этой архитектуры от нас полностью скрыт. Она является перед нами в Плиске как бы в готовом виде: предшественников монументальных дворцов Плиски мы здесь, в Болгарии, не знаем. Архитектура этих дворцов явилась сюда, видимо, вместе с болгарскими ханами.

Однако болгары, будучи кочевниками, вряд ли могли выработать столь совершенную для своего времени монументальную архитектуру до прихода в Дунайскую низменность⁴. Не могли заставить они такую архитектуру и на месте — у славян, заселивших Мезию и Фракию только в VI в., т. е. сравнительно незадолго до прихода сюда болгар.

Уже давно поэтому вставал вопрос о реальных источниках дворцовых палат Плиски, как и Преславы, и их строительной техники — прекрасной квадратной кладки. Вопрос этот имеет, несомненно, большой историко-культурный интерес. Неудивительно, что он уже несколько десятилетий обсуждается в научной литературе, преимущественно болгарской. Выявились два различные мнения.

Согласно одному из них, архитектура созданных в начале IX в. дворцов Преславы восходит к искусству Ирана эпохи Сасанидов и находит себе близкие параллели в сасанидских дворцах — Фирузабаде (III в.) и Сервистане (V — VI вв.)⁵.

Совершенно иной взгляд выдвинул К. Миятев; он полагает, что архитектурным источником болгарских палат являлись дворцы византийских императоров в Константинополе; особенно наглядно в этом убеждает, по его мнению, дворец Магнавр, построенный еще в IV, но возобновленный в IX в.⁶

Обе концепции уже не раз подвергались справедливой критике, и нам в этом отношении остается добавить немного. Концепция сасанидского влияния неприемлема прежде всего из-за своей неисторичности: названные памятники Ирана и Плиски хронологически далеко не совпадают (дворец Фирузабада отделяет от болгарских дворцов не менее пяти столетий, а дворец Сервистан — по крайней мере три столетия); поэтому сравнение тех и других по существу лишено исторического содержания. Во-вторых, те и другие резко отличаются по лежащему в основе их композиционному принципу: в сасанидских дворцах господствует центрическое

³ См. Н. М а в р о д и н о в. Старобългарското изкуство, стр. 48.

⁴ На это не раз обращалось внимание болгарскими исследователями. См., например, К. М и я т е в. Българското изкуство през IX и X в. — «България 1000 години. 927—1927», стр. 156.

⁵ А. П р о т и ч. Сасанидската художествена традиция у прабългарите. — ИБАИ, IV. София, 1927, стр. 211—216; В. F i l o v. Les palais vieux-bulgares et les palais sassanides, in: L'art byzantin chez les Slaves, les Balkans, I (Premier recueil dédié à la mémoire de Th. Uspenski). Paris, 1930, p. 80—86; i d e m. Der Ursprung der altbulgarischen Kunst. — ВЗ, XXX, 1929/30, S. 523—528.

⁶ К. М и я т е в. Българското изкуство през IX и X в., стр. 157; К. М и а т е в. Der grosse Palast in Pliska und die Magnaura von Konstantinopel. — ИБАИ, X, 1936, S. 136—144, особенно S. 141—142.

начало, ясно выступающее не только в планировке; оно подчеркнуто куполом, которым перекрыты большие залы во дворцах; в Плиске же, особенно в Тронной палате, отчетливо выступает протяженность; купольных зал здесь не было. Третье отличие заключается в технике постройки: сасанидские дворцы большей частью сооружены из кирпича или (дворцы в Фирузабаде и Сервистане) — из бутового камня, лишь купол из кирпича⁷; болгарские же дворцы — из крупных квадров с кирпичными сводами⁸.

Существенным недостатком страдает и «византийская» концепция, хотя сторонников у нее больше. Однако конкретных фактов в пользу нее также очень мало. К. Миятев ссылается в сущности лишь на константинопольский дворец Магнавр — тронную залу византийских императоров, которая, по его мнению, могла служить образцом для дворца болгарского хана⁹. Но памятник этот не сохранился, и мы можем себе представить его лишь в самом общем виде по упоминаниям письменных источников¹⁰. Можно говорить только о некоторых чертах его сходства с Тронной палатой Плиски; имеется в виду двухэтажность Магнавры, базиличность парадной залы и наличие портиков с широкой лестницей перед ней (соответствующих преддверию Тронной залы Плиски).

Но, во-первых, это только схема, притом довольно широко распространенная; она известна далеко не только в Константинополе. Во-вторых, вряд ли можно сомневаться, что дворец Магнавра был сооружен в технике, обычной для ранне- и средневизантийской монументальной архитектуры, т. е. в технике каменно-кирпичной кладки (*opus mixtum*) или только из кирпича — в отличие от квадратной кладки дворца в Плиске. Значение этого вероятного различия признает и К. Миятев¹¹.

Дворец Плиски, по мнению К. Миятева, еще больше сближает с константинопольскими дворцами общая архитектурная система здания: верхний этаж с парадной залой поставлен на возвышении, основанном на субструкции в виде множества устоев; примером названы цистерна Будрум и Текфур-сарай (памятники, кстати сказать, более поздние, чем дворец в Плиске): «Нечто подобное, но в техническом и художественном отношении совершенно по-варварски выполненное, и было во дворце Омуртага в Плиске»¹², где субструкции заменены надземной основой¹³.

Подтверждение этой мысли К. Миятев видит в раскопанном им в 1930 г. в Плиске обширном здании (74 × 60 м), стоявшем на месте большой тронной палаты и непосредственно предшествовавшем ей. Здание это К. Миятев очень убедительно определил как дворец царя Крума (803—814). Открытое раскопками основание здания состоит из 64 небольших квадратных помещений, образованных густой сетью стен, которые

⁷ См., например, SPA, IV, 1938, pl. 146—151. Реконструкцию дворца Сервистана см. SPA, I, 1938, p. 518.

⁸ На необоснованность сасанидской концепции указывал еще в 30-х гг. К. Миятев (К. Миятев. *Der grosse Palast...*, S. 140; К. Миятев. *Българското изкуство...*, стр. 157); о том же говорится в «Истории Болгарии», I. М., 1954, стр. 57. Античная считает эту «теорию» Ст. Станчев. См. St. Stanchev. *Pliska-theories et fait.*—«Byzantinobulgarica», I. Sofia, 1962, p. 349.

⁹ К. Миятев. *Der grosse Palast...*, S. 141, 142, К. Миятев. Крумовият дворец и други новооткрити постройки в Плиска. — ИБАИ, XIV, 1943, стр. 124.

¹⁰ Сводку сведений письменных источников о Магнавре см. J. P. Richter. *Quellen der byzantinischen Kunstgeschichte*. Wien, 1897, S. 294—299; J. Labart. *Les palais impérial de Constantinople et ses abords au X siècle*. Paris, 1861, p. 84, 189—190. См. также J. Ebersolt. *Le grand palais de Constantinople et le livre des cérémonies*. Paris, 1910, p. 67sq. Реконструкция, представленная на общем плане Ж. Лабартом (J. Labart. *Les palais impérial...*, pl. 2, 3) и переизданная Д. Беляевым («Обзор главных частей Большого дворца византийских царей». — ЗРАО, V, 1892), носит условный и ориентировочный характер (Д. Беляев, *Обзор...*, стр. 7—8, 195).

¹¹ К. Миятев. *Der grosse Palast...*, S. 143.

¹² К. Миятев. Крумовият дворец..., стр. 124.

¹³ Там же, стр. 122.

К. Миятев считает основаниями столбов, связанных друг с другом арками и сводами, наподобие Будрумской цистерны, являвшейся субструкцией дворца¹⁴; над этой субструкцией, по К. Миятеву, и возвышался дворец Крума, воспроизводящий, таким образом, систему дворцов Константинополя.

Однако такого рода архитектурная реконструкция представляется нам маловероятной. Во-первых, дворец Крума в своей основной части, судя по данным раскопок, был деревянным¹⁵, а не кирпично-каменным (каменным было лишь основание), что уже одно должно было резко отличать оба здания — и по конструкции, и по архитектурному облику. Во-вторых, раскопки не обнаружили остатков каменных столбов. В-третьих, трудно поверить без ясных тому доказательств в возможность воспроизведения в только начавшей обстраиваться болгарской столице, больше похожей еще на становище кочевнической орды, сложнейшей архитектурной системы византийских дворцов, принадлежавших, к тому же, врагам болгарских ханов.

В силу сказанного мы не можем признать определяющее значение раннесредневековой дворцовой архитектуры Константинополя для монументального строительства новой болгарской столицы.

Некоторые другие исследователи, не приводя конкретных фактов, ограничиваются лишь общими соображениями о закономерности византийского влияния на болгарских строителей¹⁶. Но это не подкреплено фактическим материалом. Н. Мавродинов правильно усматривал в этой византийской теории «другую крайность»¹⁷, в которую впадают некоторые историки болгарской культуры.

Сам Н. Мавродинов ограничивается лишь общей ссылкой на «византийский богатый дом, который мы видим в Греции в V — VI вв.»; тип этого дома «болгарские мастера заимствовали от местной предболгарской архитектуры»¹⁸.

Отсутствие вполне обоснованного ответа на вопрос об источниках раннеболгарской монументальной архитектуры проистекает в значительной мере от недостатка сравнительного материала, на что в свое время уже указывал К. Миятев.

В настоящем сообщении мы ставим ограниченную цель: привлечь некоторые новые архитектурные факты, которые не учитывались при изучении памятников Плиски, а некоторые из них и не могли быть учтены, так как они открыты лишь в недавнее время. Эти факты могут бросить новый свет на интересующий нас вопрос и поэтому представляются нам важными. Мы имеем в виду раннесредневековые дворцы Армении, открытые раскопками близ Вагаршапата, затем в Двине и в Аруче. Все эти памятники относятся к VII в.

Первый из них — дворец католикоса Нерсеса III (был католикосом в 641—661 гг.) находится рядом со знаменитым храмом Звартноц и был, несомненно, с ним тесно связан (рис. 1, Б). Это — наиболее сложный из названных дворцов. От здания сохранились лишь нижние части стен,

¹⁴ К. Миятев. Крумовият дворец..., стр. 128.

¹⁵ Там же, стр. 125.

¹⁶ St. Stančev. Pliska-theories et faits, p. 356. Впрочем, в другой своей статье Ст. Станчев, отрицает роль Византии и пишет, что прототипы раннеболгарской архитектуры «следует искать дальше на Восток — в Передней Азии», но без конкретизации и аргументации (см. Ст. Станчев. Славяни и прабългари в старобългарската култура.—«Археология», IV, 1962, кн. 4, стр. 4). На это противоречие уже обратил внимание Ст. Михайлов («Строителните периоди в Плиска и произходът на старобългарската монументална архитектура».—«Археология», VI, 1964, кн. 2, стр. 22).

¹⁷ Н. Мавродинов. Старобългарското изкуство, стр. 43.

¹⁸ Там же, стр. 47—48.

выявленные раскопками 1901—1902 гг., и то не всего дворца¹⁹. Обширное здание (протяжением с запада на восток более 60 м), частично имевшее, вероятно, два этажа (из которых нижний — подвальный) состояло из двух комплексов — восточного и западного, разделенных коридором, напоминая в этом отношении Малый дворец в Плиске.

В западном комплексе находились два базилических зала, оси которых взаимно перпендикулярны. Одна из зал, отделенная от упомянутого коридора аркадой, была трехнефной (с четырьмя парами столбов), причем колонны, судя по базам, были тонкие; можно поэтому думать, что зала имела деревянное перекрытие²⁰. Другая зала, наиболее парадная, находилась рядом и была, несомненно, перекрыта полуциркульным сводом на четырех подпружных арках, опиравшихся на выступы стен, как в церковных купольных залах Армении VII в. С северной стороны к этой зале примыкали служебные помещения, и в этом отношении напоминая Малый дворец в Плиске.

Восточный комплекс дворца состоял из сравнительно небольших помещений, вероятно, жилых — в противоположность парадным залам западного комплекса, и заканчивался с восточной стороны небольшой баней и домашней часовней. С северной стороны вдоль этих помещений шла открытая аркада, объединявшая оба комплекса здания в одно целое. Подвальные помещения западной части дворца служили кладовыми; здесь были размещены огромные пифосы (карасы) с зерном, вином, маслом. Одно из помещений занимала хлебопекарня. Кладка дворца Нерсеса — квадратная, очень близкая к кладке дворцов в Плиске, только более тщательно выполненная.

Два других дворца, открытые в недавние годы, по планировке очень близки друг другу. Один из них находится в Двине, являвшемся в раннее средневековье столицей Армении; дворец (рис. 2, Д) открыт раскопками 1937—1939 гг. и стоял в центральной части города, рядом с собором Григория (VII в.)²¹. Дворец представлял собой почти квадратное здание (32 × 32,5 м), среднюю часть которого занимал большой трехнефный зал (ширина 11 м) с четырьмя парами массивных столбов, увенчанных огромными капителями очень архаического типа (их форма восходит к архитектуре ахеменидской Персии). К залу с обеих сторон примыкают по пять помещений, сообщавшихся с залом. Помещения были, очевидно, перекрыты полуциркульными сводами, а базилический зал, как его очень вероятно реконструирует В. М. Арутюнян²², — тремя пирамидальными ступенчатыми куполами с отверстиями в центре, наподобие существовавших до самого недавнего времени перекрытий армянских жилищ —

¹⁹ См. М. Тер-Мовсисян. Раскопки развалин церкви Григория близ Эчмиадзина. — «Известия Археологической Комиссии», 7, 1903, стр. 15—17; В. М. Арутюнян и С. А. Сафарян. Памятники армянского зодчества. М., 1951, стр. 46—47; Н. М. Токарский. Архитектура Армении IV — XIV вв. Ереван, 1961, стр. 67—72.

²⁰ Н. М. Токарский. Архитектура Армении..., стр. 70. Перекрытие базилической залы Большого дворца в Плиске также предполагается деревянным (К. В. Шкорпил. Постройки в Абовском укреплении, стр. 88).

²¹ См. В. М. Арутюнян. Архитектурные памятники Двина. — «Известия АН Армянской ССР», 1947, № 8; е г о ж е. Архитектура патриаршего дворца в Двине. — «Сборник научных трудов Ереванского политехнического института», № 3, 1948 (на арм. яз.); К. Г. Кафарян. Город Двин и его раскопки. Ереван, 1952 (на арм. яз.), стр. 104 и 269—270; Н. М. Токарский. Архитектура Армении..., стр. 56—61.

²² В. М. Арутюнян. Архитектурные памятники Двина, стр. 92; К. Г. Кафарян. Город Двин..., рис. 85 (стр. 116). Реконструкция Н. М. Токарского («Архитектура Армении...», стр. 59) в виде открытого зала мало убедительна, так как при этом остаются без объяснения массивность устоев с огромными капителями, призванных поддерживать, очевидно, не легкие, ничего не несущие балки, а тяжелое покрытие. Ступенчатые своды лучше всего отвечают характеру мощных колонн и капителей.

гхатунов и грузинских дарбази, очень древних по своей форме; их описывает еще Витрувий (I в. до н. э.). Боковые помещения имели, очевидно, служебное назначение, может быть, жилое, а центральная зала была парадной и вместе с тем служила, вероятно, местом заседаний феодальной и церковной знати.

Наконец, третий дворец (рис. 2, E), остатки которого раскопаны в 1947 г. в Аруче (Арагатская равнина)²³, совершенно тождествен дворцу в Двине — не только по планировке, но даже по размерам²⁴; очень близки и капители с волютами. Различие состоит лишь в том, что в Аруче не 4, а 3 пары столбов, также образующих, кстати сказать, квадраты, вероятно, некогда увенчанные деревянными ступенчатыми сводами; кроме того, вдоль северной стороны дворца шла открытая галерея с аркадой по внешней стороне, как на северной стороне дворца около Звартноца. Оба дворца — в Двине и Аруче — возведены из тщательно тесаных квадров на известковом растворе.

Известно, по сообщению современников (Иоанн Драсханакертский), что дворец в Аруче построен крупнейшим нахараром VII в. — Григорием Мамиконяном одновременно со стоящим вблизи собором, сооруженным в 667—668 гг. Сходство с дворцом в Двине, доходящее до тождества, убеждает в том, что оба дворца приблизительно одновременны и представляют собой памятники второй половины VII в.²⁵

Здесь не место исследованию происхождения композиции, иначе говоря, процесса формообразования дворцовых комплексов VII в. в Армении. Несомненно, они входят в круг позднеантичной и раннесредневековой архитектуры всего Ближнего Востока, включая Сирию, где сохранилось немало остатков вилл того времени с такими же, как в Армении, комплексами жилых помещений и зал, группирующихся по обе стороны коридора и объединенных галереями на колоннах или столбах²⁶. Но в данной статье нас интересует не это, а несомненные черты близости дворцов болгарской знати с армянскими раннесредневековыми дворцами (но не с сирийскими, от которых они многими чертами отличаются).

Дворцы Плиски имеют несравненно больше точек соприкосновения с дворцами Вагаршапата, Двина и Аруча, чем с дворцами Константинополя, не говоря уже о сасанидских. Эта близость сказывается и в общем принципе планировки, и в наличии базиличных зал, и в перекрытии их деревом, как, вероятно, были перекрыты и дворцы Плиски, и в технике квадратной кладки стен без кирпича (который использовался лишь в перекрытии проемов и в цилиндрических сводах); такая техника не характерна для Константинополя, тем более для Ирана. Эти два ряда памятников — болгарский и армянский — и хронологически не очень удалены друг от друга.

Говоря о чертах, сближающих архитектуру Закавказья и Болгарии VIII — IX вв., следует привлечь и культовую архитектуру. Уже обращалось внимание на типично греко-восточные — сирийские формы некоторых раннесредневековых храмов Болгарии. Имею в виду храм в так

²³ В. М. А р у т ю н я н. Нововыявленный памятник светского зодчества VII в. (на арм. яз.). — «Известия АН Армянской ССР», 1953, № 8, стр. 53—65.

²⁴ Сравнительную таблицу размеров см. Н. М. Т о к а р с к и й. Архитектура Армении..., стр. 64.

²⁵ Об этом с полным основанием говорит Н. М. Токарский («Архитектура Армении...», стр. 65—66).

²⁶ Назовем, к примеру, такие памятники, как вилла V в. в Эль-Барахе, монастырь V в. в Шакке или монастырь VI в. при базилике Иоанна Столпника в Калат-Семан. См. M. de V o g ü é. Syrie centrale, Architecture civile et religieuse du I — III siècle. Paris, 1865—1877, pl. 22, 53, 139; G. T c h a l e n k o. Villages antiques de la Syrie du Nord, II. Paris, 1953, pl. V, VI, XVIII, LXXXII, XCV, CXV. Cp. Н. В u t l e r. Architecture and other arts (Part II of the Publications of an American archaeol. expedition to Syria). New York, 1903, p. 120, 122, 177, 259.

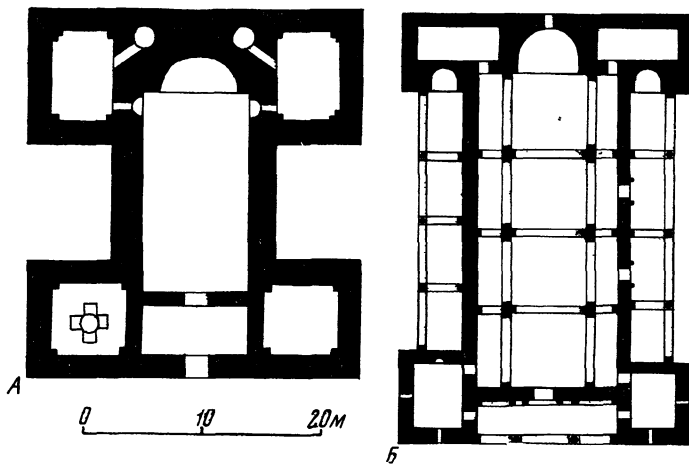

Рис. 3. А. Базилика Джанавар-тепе близ Варны. Б. Армения. Ерееруйская базилика

называемом Джанавар-тепе близ Варны²⁷ и центрический храм (так называемая Красная церковь) в Перуштице²⁸.

Формы базилики Джанавар-тепе (рис. 3, А) ничего общего не имеют ни с архитектурой константинопольской школы, ни с архитектурой Греции и Малой Азии. Плановая композиция храма с доминирующими в его массах сильно выступающими угловыми помещениями (два — по сторонам апсиды, два — по сторонам западного преддверия — нартекса) и с апсидой в толще стены — в основе своей типичны для раннесредневековых храмов Сирии и особенно Армении: назовем базилики V в. в Ерееруйке (рис. 3, Б) и Текоре, еще не купольные²⁹. Но переданы эти формы в Джанавар-тепе по-провинциальному, с нарушенным соотношением частей, и в сокращенной редакции: вместо трех нефов здесь один относительно узкий неф, зажатый между непомерно мощными стенами толщиной 2,53 и 2,57 м³⁰ (еще массивнее, чем в Тронной палате, где наибольшая толщина стены — 2,07 м). Эта утрированность форм придает зданию действительно пещерный характер, столь характерный для восточнохристианского зодчества³¹. Сравнение базилик Джанавар-тепе с армянскими Ерееруйской и Текарской ясно показывает, в какой из них следует видеть явление первичное, а в какой — явление вторичное (таким в нашем представлении выступает Джанавар-тепе)³².

²⁷ Базилика открыта раскопками 1915 и 1919 гг. См. В. И в а н о в а. Стари църкви и манастири в Българските земи. «Годишник на Народния Музей за 1922—1925 г.». София, 1926, стр. 460—461, рис. 301; е е ж е. Две старинни църкви при с. Иваняне. — ИБАИ, VIII, 1935, стр. 227; е е ж е. Две старохристиянски базилики. — «Годишник на Народния Музей», VI, 1936, стр. 309, рис. 196. О сирийско-армянских чертах храма упоминает Н. Окунев (BS, III, 1934, стр. 551). «Сирийский характер церкви Джанавар-тепе» отмечает и В. Иванова («Две старинни църкви...», стр. 226).

²⁸ Д. П а н а й о т о в а. Червената църква при Перуштица. София, 1956; Н. М а в р о д и н о в. Старобългарското изкуство, стр. 30—31, рис. 25.

²⁹ Издавались многократно. В связи с зодчеством Сирии они рассмотрены в кн.: А. Л. Я к о б с о н. Очерк истории зодчества Армении V—XIV вв. М.—Л., 1950, стр. 13—17.

³⁰ Толща каменного массива с восточной стороны базилики (где апсида) достигает 4 м.

³¹ См. Н. И. Б р у н о в. Очерки по истории архитектуры, II. М.—Л., 1935, стр. 462.

³² Сирийско-армянские черты в виде западных угловых выступов имеют и некоторые другие базилики V в. в Болгарии (В. И в а н о в а. Две старохристиянски базилики, стр. 303 сл.), причем автор относит эту особенность за счет местной позднеримской традиции (там же, стр. 310), с чем трудно согласиться (ср. В. И в а н о в а. Две старинни църкви..., стр. 226, где приводится иной взгляд).

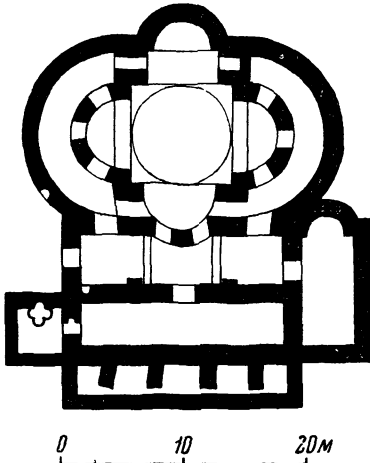

Рис. 4. Болгария. Храм в Перуштице

основе зодчества эллинистического Востока. Эта восточная традиция, видимо, была в раннесредневековой Болгарии очень популярна.

Добавим, что оба храма — Джанавар-тепе и Красная церковь близ Перуштицы — воспроизведены в традиционной и давно уже ставшей местной, римско-византийской строительной технике (кладка *opus mixtum* — в Джанавар-тепе³⁴ и кирпич на каменной основе — в Перуштице). Но это не меняет основного факта — наличия на почве доболгарской Болгарии архитектурных форм, чуждых Византии и характерных для христианского Востока.

Таким образом, закавказские черты дворцов в Плиске не были новым и изолированным явлением; наоборот, они находят себе предшественников на почве Болгарии в раннее средневековье — по крайней мере в VI, если не в V в.

Могут ли найти себе историческое оправдание явные черты близости в сфере монументальной архитектуры между столь удаленными друг от друга областями Причерноморья — Болгарией и Закавказьем? Сами по себе привлеченные нами памятники Армении не в состоянии, конечно, объяснить это явление, они могут лишь направить мысль.

Большое значение поэтому приобретают письменные источники. Они действительно содержат некоторые важные для нашей темы и красноречивые факты, вернее — два ряда фактов.

³³ О храме Звартноц существует большая литература. См., например, Н. М. Т о к а р с к и й. Архитектура Армении..., стр. 130—139; А. Л. Я к о б с о н. Очерки истории зодчества Армении..., стр. 29—37; Т. М а р у т я н. Звартноц и памятники типа Звартноц. Ереван, 1963 (на арм. яз. с русск. резюме). Новую и очень убедительную реконструкцию памятника см. С. Х. М н а ц к а н я н. Новый проект реконструкции Звартноца — «Известия АН Армянской ССР. Обществ. науки», 1959, № 9, стр. 53—75. О храме в Лекит см. М. У с е и н о в, Л. Б р е т а н и ц к и й и А. С а л а м з а д е. История архитектуры Азербайджана. М., 1963, стр. 32—33. О близости храма близ Перуштицы к Звартноцу и другим однородным (одновременным и более поздним) храмам Армении и Грузии (храм в Бана) также упоминал Н. Окунев (BS, III, 1931, стр. 532). На почве Сирии можно назвать выдающийся архитектурный памятник с более или менее аналогичной композицией — огромный храм-тетраконх в Босре (512—513 гг.) и мавзолеев в Селевкии (конца V в.). См. Reallexikon zur byzantinischen Kunst, 2, 1963, S. 186—187.

³⁴ Приблизительно выдержанные ряды камня с подтеской лицевой поверхности; блоки — неправильной формы; слои кирпича (30—31 × 30—31 см) состоят из пяти рядов; раствор — с цемянкой.

Одни из них — это сведения о заселении болгарами северных районов Армении еще в VII и VI вв. Наиболее древнее сообщение об этом содержится в «Истории» Моисея Хоренского (историк V в.)³⁵. Болгар (по-видимому, в тех же районах) отмечает в своей географии армянский ученый VII в. Ананий Ширакаци. В 538 (или 530 г.) император Юстиниан переселил покоренных им болгар в северную Армению³⁶. В сирийской хронике Захария Ритора (555 г.) говорится о том, что болгары, в числе других 13 племен, живут по соседству с Абасгией (Басгун) или Абхазией в широком понимании, простирающейся до «Каспийских ворот»³⁷. Все эти сообщения свидетельствуют о том, что болгары уже в раннее средневековье обитали в непосредственном соседстве с народами Закавказья, которые в то время, как и позднее, были носителями наиболее высокой, можно сказать, передовой культуры.

Приведенные данные, хотя и носят очень общий и расплывчатый характер, все же могут помочь, как нам кажется, объяснить появление в стане болгарских ханов армянских (или грузинских) зодчих, которые могли принять непосредственное и активное участие в формировании праболгарской архитектуры³⁸, подобно тому как их потомки пятью веками позднее принимали участие, вернее — создавали, монументальное искусство других кочевников, также основавших сильную державу — искусство турок-сельджуков.

Однако еще важнее другой ряд фактов, о которых рассказывают армянские, сирийские и греческие хронисты. Уже со второй половины VI — начала VII в. ведут свое начало многочисленные военные поселения армян во Фракии и Македонии.

О переселении армян из западных областей Армении во Фракию по приказанию византийского императора Маврикия (582—602) сообщает армянский писатель VII в. Себеос. Он же говорит о намерении императора поселить во Фракии 30 000 чел. армян-воинов³⁹.

Позднее, в середине VIII в., император Константин V Копроним (741—775) с целью укрепить границу Византии с Болгарией предпринял массовое переселение во вновь построенные им во Фракии крепости еретиков-павликиан — армян и сирийцев из Феодосополя и Мелитины. Об этом событии рассказывают византийский хронист Феофан⁴⁰ и его современни-

---

³⁵ Многие болгары «пришли в нашу землю и на долгое время поселились на юге от Каха, в плодородных и хлебодородных местах» («История Армении Моисея Хоренского», II, 6, 9; нов. пер. Н. Эмина. М., 1893, стр. 62). Область болгарского заселения северной Армении получила название по имени болгарского вождя Венда. Колонизация эта относится скорее всего именно к V в. (см. след. примеч.).

³⁶ О раннесредневековой болгарской колонизации северной Армении см. V. B. n. a. n. u. La plus ancienne mention arménienne à propos des Bulgares colonisées dans l'Arménie.— «Studia et acta orientalia», I. Bucarest, 1958, p. 354—356.

³⁷ См. В. Н. З л а т а р с к и. История на българската държава през средните векове. I, ч. 1. София, 1938, стр. 35—36. Русск. пер. «Хроника» см. Н. В. П и г у л е в с к а я. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 165.

³⁸ Следует напомнить, что возможность участия зодчих Востока (без конкретизации) в создании Тройной залы в Плиске не отрицал и К. Миятев: «Участие такого архитектора в создании дворца Омуртага совсем не исключено; это даже становится вероятным вследствие того, что восточное строительство с его величаво-монументальными формами больше соответствовало болгарскому художественному вкусу и вполне совпадало с усвоенной ими сущностью царской власти» («Българското изкуство...», стр. 158).

³⁹ История императора Ираклия; сочинение епископа Себеоса. Перевод с арм. К. Патканова. СПб., 1862, гл. VI (стр. 52, ср. стр. 57—58), XX (стр. 78).

⁴⁰ T h e o p h a n i s Chronographia, I, ed. C. Voog. Lipsiae, 1883, p. 429. 19—22. «Император Константин поселил во Фракии сирийцев и армян, которых привел из Феодосополя и Мелитины и которые распространили ересь павликиан». См. об этом В. Н. З л а т а р с к и. История на българската държава..., I, ч. 1, стр. 201—202; Р. М. Б а р т к я н. Источники для изучения истории павликианского движения. Ереван, 1961, стр. 55—56.

ки — греческий писатель патриарх Никифор⁴¹, армянский писатель VIII в. Гевонд и сирийские — Агапий и Михаил Сириец⁴². В житии другого современника — Стефана Нового (ум. в 762 г.) содержится прямое свидетельство о наличии во Фракии в то время (в VIII в.) армянского войска⁴³.

Таким образом, непосредственное общение болгар с армянами и сирийцами (кстати сказать, прирожденными каменщиками) могло происходить (да, несомненно, и происходило) как раз в период интенсивного строительства в болгарской столице Плиске. Непосредственное участие в этом строительстве армянских и сирийских зодчих более чем вероятно.

Предложенное объяснение носит, конечно, предположительный характер, и на нем трудно настаивать, но оно, мне думается, более реально, чем «сасанидская» теория и даже «царьградская».

---

⁴¹ В Бrevиарии (причем говорится не о *χάστρα*, а о *πολίσιματα*; см. пер. Е. Э. Липшиц, ВВ, III, 1950, стр. 377 под 756 г.) и кратко в «Антирретике»: император «переселил их (т. е. армян и сирийцев) во Фракийскую область» (см. Е. Э. Липшиц. Никифор и его исторический труд. ВВ, III, 1950, стр. 100).

⁴² См. Р. М. Бартикян. Источники..., стр. 56.

⁴³ В житии рассказывается об армянине-воине (*στρατιώτης τοῦ στίφους τῶν Ἀρμενίων*); он явился из Фракии, где стоял его полк или отряд, к сосланному на остров Проконнис Стефану за исцелением, а затем вернулся обратно в свой полк (*τῆς στρατίας τῆς γῆρας*). См. В. Г. Васильевский. Житие Стефана Нового. Труды, II, вып. 2. СПб., 1912, стр. 340; Р. М. Бартикян. Источники..., стр. 66—67.